

Психология сознания

Акопов Г.В.

Сознание как проблема психологии: отечественные и зарубежные подходы

В последние десятилетия единым основанием развития отечественной и зарубежной научной психологической мысли можно считать явления сознания, обсуждение которых дает возможность вывить в широкой системе психологических знаний новые значения и смыслы. В связи с этим в статье анализируются различные подходы к определению и структуризации сознания, отмечается при этом, что существующие в российской психологии научные подходы к решению проблемы сознания группируются в направлениях естественнонаучной и гуманитарной традиции, отмечается пересмотр критериев научности в последнее время. Большое внимание уделяется и зарубежным подходам, отличающимся от российских, преобладанием анализа причин появления сознания и его связи с физическим миром, что достаточно изучено в отечественной психологии с позиций диалектического и исторического материализма..

Ключевые слова: сознание, структура, субъект, информация, мозг, научные парадигмы, теории сознания.

Можно предположить, что вполне условная временная граница смены веков, а в прошедшем историческом периоде – и тысячелетий, вызывает особую остроту не только экзистенциальных переживаний «человека разумного», но и, в значительной мере, активизирует научный поиск *единых оснований* человеческой жизни. Таким единым основанием в последние десятилетия развития научной психологической мысли как в отечественной, так и в зарубежной психологии предстают явления сознания, проблематика которого все более интенсивно и широко исследуется не только в психологии, но и в целом комплексе естественных, гуманитарных и общественных наук. Опыт отражения состояния проблемы и построения некоторых ее решений в отечественной психологии представлен в обзорно-обобщающей работе автора (Акопов, 2002).

Существующие в Российской психологии научные подходы к решению проблемы сознания группируются в направлениях естественнонаучной (сциентизм) и гуманитарной традиции. Пересмотр критериев научности (различные типы рациональности) в последние десятилетия с необходимостью подводит к мысли о ключевой роли понятия, форм, типов и др. производных термина

«сознание» в предупреждении или даже преодолении элементов паранауки, распространяемой в научном «обличьи». Что касается гуманитарной традиции, то она весьма незначительно представлена в отечественной психологии. Идеи Г.Г. Шпета, М.М. Бахтина и др. недостаточно адаптированы в теоретических или методических построениях отечественных психологов.

Современная психологическая практика неизбежно вовлекает теоретическую психологию в обсуждение экзистенциальных проблем, решение которых не может быть выработано вне категории сознания. Как представлена эта категория в отечественной психологии, в какой степени реализован тезис Л.С. Выготского о центральности этой категории для всей психологии, образуют ли учения о сознании отечественных психологов (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, К.А. Абульханова-Славская, В.П. Зинченко, А.Г. Асмолов, Ф.Е. Василюк, В.Ф. Петренко, В.М. Аллахвердов и др.) определенное единство или это совершенно разнокачественные программы исследований сознания?

Значительное богатство идей, изолированных временем и разрозненных теоретическими платформами, скрыто от широкого научного внимания, не артикулировано в предметном поле современной психологии. Категория сознания несет в себе огромный объединительный потенциал для современной психологии. Важно вывести сознание из «латентного» состояния и осознать как научную проблему в новом содержательном и качественном объеме. Обсуждение проблемы на новом этапе развития науки дает возможность выявить в широкой системе психологических знаний новые значения и смыслы.

Анализ различных подходов к определению и структуризации сознания может быть соотнесен с той или иной методологической установкой (междисциплинарная, унитарная, системная) и обнаруживает связь различных структурных схем сознания с двухфакторной моделью бесконечно развивающегося сознания (фактор взаимосвязи и контакта индивида и окружающей среды, личности и общества, индивидуальности в реальных и потенциальных образованиях «Я»; фактор созидания, свободы и связанной с ней ответственности в системе взаимодействий - контактов). Двухфакторный подход (контакты, их интенсивность и широта; произвольность, устойчивость и многообразие объектов, форм и т.д.) позволяет наметить контуры целостной системы развития сознания.

Связана ли смена научных парадигм с изменениями в социально-экономическом устройстве общества или научная мысль развивается по своим законам, независимо от установлений (догматов?) диалектического и исторического материализма, тех или

иных положений диалектической философии либо других философских интерпретаций науки? Как бы мы ни ответили на этот вопрос, постсоветская действительность российской научной, в частности, психологической мысли демонстрирует синхронически совмещенные тенденции (или устремления) к изменению основополагающих характеристик отечественной психологии (Аллахвердов В.М., Братусь Б.С., Леонтьев Д.А., Юревич А.В. и др.) и к сохранению сложившейся в предшествующие годы системы научного психологического знания (Александров И.О. и Максимова Н.Е., Гусельцева М.С., Марцинковская Т.Д., Моросанова В.И. и др.).

Забегая вперед, заметим, что производство и трансляция научных знаний как функция субъекта научной деятельности, являясь вполне сознательной, не тождественна функции осознания состояния научного знания (его системности, адекватности решаемым задачам и т.д.), т.е. функции субъекта научно-методологической деятельности (рефлексии), хотя и включаемой часто в первую из обозначенных функций.

Говоря о системе научных знаний, мы имеем в виду иерархическую взаимосвязь следующих основных научных конструкций: 1. Специальный язык (понятия и категории), позволяющий сократить время и уменьшить усилия по приему, переработке и передаче научной информации; 2. Методы получения и оформления новой информации; 3. Научное описание эмпирической фактологии; 4. Выявление (открытие) и подтверждение (доказательство) закономерностей и законов, устанавливающих определенные отношения и связи между отдельными фактами, их группами и системами; 5. Определение научных подходов, построение концепций и теорий, позволяющих вскрыть механизмы действия закономерностей и законов, обнаруживать новые факты, прогнозировать динамические явления и т.д.; 6. Конструирование научно-обоснованных технологий (различные психопрактики), позволяющих вызывать целенаправленные изменения объектов воздействия.

В связи с последним пунктом, мы находим существенное отличие в системах научных знаний о живых и неживых объектах. Первые, в особенности наделенные психикой, живые объекты, обладая изначальной активностью (предпосылки субъектности и субъективности), оказываются невероятно сложными в изучении, описании, систематизации и т.д. ввиду колоссального многообразия возможных форм, видов, уровней активности, а на определенных этапах изучения начинают оказывать определенное сопротивление исследовательским усилиям со стороны «постороннего» лица,

«чужого» субъекта. В этих случаях во всей полноте обнаруживается феномен нетождественности проявлений сознания субъекта исследовательской программы в отношении активного существа (откликающегося тем или иным образом на внешнее воздействие), включающей, как известно, помимо операциональных и действенных компонентов, также деятельностные, обусловленные релевантной мотивацией, принимаемой или отвергаемой противоположной стороной (активное существо). В этом плане можно говорить о возможности феномена сознающего, но не осознающего (рефлексирующего) субъекта, и в этом случае во всей полноте встают вопросы: зависимости активного существа от действующего субъекта; ответственности осознающего субъекта и доверия к нему. В конечном счете, нерешенность данной проблемы инициирует вопрос о доверии к научному психологическому знанию, о зависимости от научного авторитета и об ответственности ученого за корректность исследовательских процедур на каждом из приведенных выше этапов научного конструирования.

В связи с иерархичностью системы выстраивания научного знания, особое значение приобретает работа над категориальным аппаратом. В отечественной психологии этой важной работе уделено внимание такими авторами, как Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, Ю.М. Забродин, В.П. Зинченко, Б.Ф. Ломов, А.Н. Леонтьев, А.В. Петровский, К.К. Платонов и др.

В разные годы объем и содержание основных категорий менялись. Некоторые категории ушли на второй план (отражение, ассоциация и т.д.), другие оказываются более востребованными (личность, деятельность, общение). На наш взгляд, в актуальном психологическом поле вся современная психологическая проблематика сконцентрировалась в двух категориях, наиболее тесно взаимосвязанных со всеми другими. Это категории *субъекта* и сознания. Целый ряд изысканий, проведенных в институте психологии РАН в последние годы (К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, В.В. Селиванов, Е.А. Сергиенко и др.) определил новое содержание этой категории и богатство возможных применений в прикладных и практических исследованиях.

Категория сознания, переживающая ныне свое второе (третье?) рождение, после пионерских работ В.Ф. Петренко по психосемантике сознания, определила новые точки роста не только отечественной психологии (В.М. Аллахвердов, В.П. Зинченко, О.В. Гордеева, Е.В. Субботский, Ю.М. Швалб, Н.Б. Шкопоров, Е.В. Улыбина, Г.В. Акопов, А.Ю. Агафонов и др.), но позволила сформировать

новую область научных исследований в США и Западной Европе (The Science of Consciousness).

В концептуально-обзорной работе автора по проблеме сознания в отечественной психологии (Проблема сознания в психологии. Отечественная платформа, Самара, 2002) в процессе последовательного структурированного рассмотрения *сознание* выводится за пределы произвольных ограничений частной темы в рамках общей психологии и в широкой совокупности теоретических взглядов, прикладных и эмпирических изысканий отечественных психологов различных направлений и школ постреволюционной (1917 г.) эпохи, обретает свою психологическую предметность, целостность и глубину.

Сознание неотрывно от субъекта и не может существовать вне субъекта, в то же время формы проявления *сознания субъекта* и субъекта сознания не тождественны. Факторами развития и проявления сознания в работе определены контакт (коммуникация, общение) и свобода (произвольность, творчество, созидание). Двухфакторная структура сознания обобщает и объясняет существующие описания функций, структуры, форм, видов и другие проявления сознания. Понятие «зависимость», в частности, можно определить как потерю (вынужденную утрату) тех или иных свобод ради сохранения хоть какого-то контакта (минимальной формы обратной связи) с другими людьми или с собой; в противоположность зависимости, «доверие» можно определить как добровольное, а не вынужденное ограничение своих свобод в пользу сохранения и расширения контактов, их превращения в смысловую коммуникацию, а не просто обмен информацией; «ответственность» также связана с самоограничением свобод, но не столько в связи с необходимостью решения собственных проблем, как в случаях зависимости и доверия, сколько с направленностью субъекта на позитивное взаимодействие с другими людьми.

Таким образом, фиксируя в качестве базовых категорий понятия субъекта и сознания, можно вывести из них в качестве производных такие важные, не только в конкретно-практическом, но и в общенаучном плане понятия, как зависимость, доверие и ответственность.

К унитарным концепциям сознания, в противовес комплексному подходу (Антонов Н.П., Велихов В.П., Зинченко В.П., Лекторский В.А., Гальперин П.Я., Лурия А.Р., Спиркин А.Г., Чуприкова Н.И. и др.), можно отнести подходы Аллахвердова В.М. (теоретические и эмпирические исследования сознания), Бахтина М.М. (критика положения о единстве сознания, полифонический подход к проблеме), Слободчикова В.И. и Исаева Е.И. (психологическая антропология

сознания), Лефевра В.А. (рефлексивные структуры), Швалба Ю.М. (целеполагающее сознание) и др.

Комплексный подход при желании можно развести с системным подходом (Барабанщиков В.А., Братусь Б.С., Горбатенко А.С., Ломов Б.Ф. и др.).

Определения сознания в отечественной психологии строятся через категории отражения (Зейгарник Б.В., Платонов К. К. и др.), рефлексии (Климов Е.А. и др.), самосознания (Столин В.В., Чеснокова И.И. и др.); посредством перечисления определенных признаков сознания (Орлов Ю.М., Чуприкова Н.И. и др.) и интеграции психических новообразований (Божович Л.И.). Во множестве определений сознания отчасти отражено многообразие функций сознания: познание, отношение, целеполагание, регуляция и т.д. в сложной взаимосвязи субъекта (личности, «Я») и окружающего предметно-социального мира. В существующих определениях сознания не всегда осуществляется соотнесение, разведение или конструирование новых дефиниций сознания, соответствующих логике комплексного (междисциплинарного), либо унитарного подходов.

Различные подходы к определению и описанию уровней сознания представлены в концепциях Бехтерева В.М., Выготского Л.С., Леонтьева А.Н., Зинченко В.П., Василюка Ф.Е. и др. В последние годы, определенное распространение, находит концепция Зинченко В.П.. Ее схематизация осуществляется Слободчиковым В.И. и Исаевым Е.И., а также Петривней И.В., Тугушевым И.В. и Маньковой С.В.

Вопросы специфики и взаимосвязи понятий «сознание» и «рефлексия» исследуются в комплексной парадигме (экологическое сознание, экономическое сознание, правовое сознание, политическое сознание и т.д., то есть, в явлениях контакта и свободы, в системах связи: «Я и природа», «Я и закон», «Я и политическое устройство общества» и др.), а также в рамках унитарного подхода (этническое, нравственное сознание), т.е. в явлениях контакта и свободы в системах «Я и другие», «Я в своей общности», «Я в себе».

Лингвистическая точка зрения (сознание существует исключительно в словесном материале и языке) амплифицирована в концепции множественности языков сознания, где язык рассматривается как любой способ намеренного обращения одного «существа» к другому (Донских О.А., Розин В.М., Туллер Д.М. и др.). Сравниваются контакты взаимодействия, сотрудничества и эмоциональные контакты, как факторы развития речи и сознания (Лисина М.И.). Различаются наглядно-действенная, образная и словесная языковые составляющие сознания (Лурия А.Р.).

Выделяются модальные формы (тактильные, обонятельные, вкусовые, зрительные и т.д.) и немодальные (пространство, время, социальные объекты); семантика и взаимопроекция, в концепте «семантическое единство субъективного мира» Артемьевой Е.Ю.

Оппозиция унитарного и комплексного подходов в проблеме языка и сознания снимается семиотическим подходом: язык - любая система знаков (Степанов Ю.С.). Рассматриваются различные семиотические системы (Фреге Г., Абрамян А.А., Якобсон Р., Салмина Н.Г. и др.).

В онтогенетическом плане важной, но малоисследованной категорией общей, и тем более, возрастной психологии является понятие «детское сознание». Важнейшие перемены в сознании ребенка происходят на грани 6-ти летнего возраста, а именно – переход от магического к естественно-научному объяснению мира, разделение физического и психического и др. (Субботский Е.В.). Выявлена предметная специфика осознания в старшем дошкольном возрасте (Салмина Н.Г.). Исследовательское сознание в детском возрасте анализирует Поддъяков А.Н. Особенности подросткового и юношеского сознания достаточно широко освещены в психологической литературе. Однако, в отличие от проблемы развития психики в онтогенезе, проблема развития сознания в онтогенезе мало концептуализирована после работ Б.Г.Ананьева.

Рассмотрение особых состояний сознания, расстройств и нарушений сознания позволяет лучше понять сам феномен человеческого сознания. С классической точки зрения (Зейгарник Б.В.) различные нарушения сознания рассматриваются как нарушения отдельных психических процессов, которые входят в многокомпонентную структуру сознания, либо их комплексов, состояний и личностных проявлений этих состояний (нарушений). Другая точка зрения (Климов Е.А.) рассматривает нарушения как особенность ориентировки (во времени, месте, обстановке, и т.д.), включая деперсонализацию, и ложные восприятие и воспоминания. Структурный подход в проблеме нарушений сознания фиксирует нарушения в картине сознания связанные с гипертрофией в развитии той или иной образующей сознания. В русле структурного подхода психологические (унитарные) концепции нарушений сознания представлены в работах Мясищева В.Н., Василюка Ф.Е. и др.

Несколько иная ситуация в спектре подходов и решений проблемы сознания в Западной Европе и США. В отклике на книгу М.Velmanz'a (2000) (по мнению А.Zeman'a, одной из лучших, написанных о сознании в последнем десятилетии) рецензент объясняет резко возросший интерес к сознанию в науке тремя взаимосвязанными причинами. Первая связана с существенным

прогрессом в развитии нейронауки. Хотя картина еще не полна, нейронные корреляты таких осознаваемых процессов, как зрительное восприятие, эмоции, память начинают проясняться в связи с исследованиями на животных, больных с повреждениями мозга и недавними исследованиями с использованием функционального отображения мозга у здоровых людей. «В то же время, психологи-экспериментаторы преодолели свою нервозность в изучении сознания». Исследование таких феноменов, как слепота, способность некоторых слабовидящих точно угадывать характеристики зрительных стимулов, о которых у них нет осознаваемого зрительного опыта, обещает прояснить различие осознаваемых и неосознаваемых процессов мозга. Третий источник «ветра в парусах исследований сознания» связан с работами в области искусственного интеллекта (Zeman).

Другой, широко известный и весьма активный исследователь сознания, D.Chalmers выделяет три раздела, группирующих все множество проблем: 1. Философия сознания; 2. Философские теории психических явлений (разум, память и др.); 3. Наука о сознании.

Классификация Chalmers'a интересна тем, что в ней, помимо качественной характеристики различных разделов (перечень авторов и названия статей), приводятся также количественные данные (численность публикаций по разделам и составляющим разделы рубрикам). В каждом разделе статьи также группируются по темам: концепции сознания (27 статей), «объяснительный пробел» (34), материализм и дуализм (30), аргументация от знаний (16), материализм и модальность (атрибуты сознания) (29), метафизика сознания (34), панпсихизм (11), «зомби» как проблема сознания (19), качества сознания (цвет и др.) (39), содержание сознания (20), «репрезентациализм»(18), сознание и «мышление высшего порядка» (23), интроспекция и самосознание (28), единство сознания (11), функция сознания (18), различные философские теории сознания (23).

Второй раздел включает 20 групп тем: «Я» и личностная идентичность» (37 статей), «психология обыденного сознания» (35), «интернализм и экстернализм» (34), «свобода воли» (32), «язык и мышление» (27) и др.

Третий раздел включает 16 групп: нейронаука визуального сознания (24), сознание и нейронаука (34), когнитивные модели сознания (36), неосознаваемое восприятие (18), «имплицитная» память (15) и учение (10), многообразие слепоты и «слепота невнимания» (14), визуальное сознание (8), сознание и психология (24), сознание в истории психологии (30), сознание и время (7), сознание животных (13), сознание и искусственный интеллект (11), сознание и физика (37), феноменология (38) и др.

Несмотря на обилие работ, как заключает Д.Чалмерс, «сознание упорно сопротивляется научным попыткам решения», а «некоторые исследователи приходят к выводу, что проблема не имеет решения» (D.Chalmers, 1995).

Всю проблематику сознания Д.Чалмерс делит на две группы по критерию трудности решения. К первой группе он относит относительно простые задачи, связанные с проблемой, ко второй – собственно проблему, представляющую большую трудность, и объясняет причины и характер этих трудностей. Следует отметить, что целый ряд «редукционистских» решений Чалмерс относит к ложным решениям и считает, что можно найти «натуралистическое» нередукционистское объяснение сознания, базирующееся на принципах структурной когерентности, организационной инвариантности и двух-аспектного рассмотрения информации.

По Чалмерсу нет одной проблемы сознания. «Сознание» двусмысленный термин, относящийся к множеству различных феноменов. Каждый из этих феноменов необходимо объяснять. Однако некоторые из них легче поддаются объяснению, чем другие. К легким задачам проблемы сознания Чалмерс относит те, которые поддаются решению стандартными методами когнитивной науки, посредством которых феномен объясняется в понятиях когнитивной логики («вычислений») или нейронных механизмов. Трудные задачи не поддаются решению этими методами.

Легкие задачи проблемы включают, в частности, объяснения таких феноменов, как способность различать, категоризировать и реагировать на внешние стимулы; обобщение информации когнитивного характера; способность сообщать о своих внутренних состояниях; способность фокусировать внимание; намеренный контроль поведения; различие между бодрствованием и сном и др.

Все эти феномены связаны с понятием сознания и могут быть успешно объяснены с позиций когнитивной науки и нейронауки.

Реально трудной для объяснения сознания является проблема субъективного опыта (*experience*). Когда мы мыслим и воспринимаем – имеет место «шум» (*whir*) информационного процесса, но также имеют место субъективный аспект – нечто похожее на сознающий организм. Этот субъективный аспект (*experience*) – различные ощущения, восприятия, эмоции, мысли и т.д. Несомненно, что некоторые организмы – субъекты «*experience*», но как это осуществляется – вопрос, приводящий в тупик.

Широко принято, что «*experience*» возникает из физической основы, но у нас нет хорошего объяснения, почему и как это происходит. Почему физические процессы приводят к возникновению богатой внутренней жизни?

Чалмерс предлагает понятийно дифференцировать термины «qualia», «awareness», «conscious experience» и «consciousness», которым очень сложно найти эквиваленты в русском языке.

Чтобы избежать путаницы (по Чалмерсу), нужно сохранить за термином «consciousness» значение феномена (явления) опыта («phenomena of experience»); используя менее нагруженный термин «awareness» для более «открытого» (известного, объясненного?) феномена, описанного ранее как функциональность. Однако в большинстве работ выделенные понятия используются как синонимы.

Функциональность по Чалмерсу, в конечном счете, сводится к способности к словесному отчету о внутренней информации; восприятию информации из окружения и способности использовать ее для управления поведением, соответствующим способом. Обсуждая распространенный способ объяснения той или иной функции (механизма), Чалмерс называет его редукционистским. Например, для объяснения учения, необходимо объяснить, как системы поведенческих способностей модифицируются в «свете» информации из окружения и способы, которыми новая информация может быть получена для поддержания адаптации приспособленности действий системы к ее окружению. Если мы показываем, как нейронный или «вычислительный» механизм делает это, то тем самым объясняем учение, то же мы можем сказать для других когнитивных явлений (перцепция, память, язык).

Согласно Чалмерсу, этот тип объяснения не годится для случая сознаваемого опыта. То, что делает трудную проблему трудной выходит далеко за пределы представления о функциях. Даже в тех случаях, когда мы объясняем действие когнитивных и поведенческих функций в приближении к опыту сознания (перцепция, категоризация, словесный отчет), то все еще остается невыясненный вопрос: Почему осуществление этих функций сопровождается осознанием? Простое функциональное объяснение оставляет этот вопрос открытым.

По Чалмерсу ключевой вопрос проблемы сознания, это вопрос о том, почему информационные процессы различения, обобщения и т.д. не свободны от внутренней чувствительности (субъективный опыт, переживание, сознание)?

Отсутствие ответа обозначается как «объяснительный пробел» между функциями и опытом сознания; необходим «объяснительный мост», материалы для которого еще предстоит найти. Согласно Чалмерсу, для объяснения сознания необходим новый подход. Обычные объяснительные методы когнитивной науки и нейронауки недостаточны. Обычные объяснительные методы когнитивной науки и нейронауки недостаточны.

Оценивая редукционистские методы (методы объяснения высокоуровневых явлений целиком в терминах фундаментальных физических процессов) Чалмерс заключает, что они хорошо работают во многих областях научного знания, т.к. то, что объясняется в этих областях – это структуры и функции, и это вещи такого рода, которые являются следствием физического устройства. Когда они используются для объяснения «надструктурных» и «надфункциональных» образований, то эти методы бессильны для нефизических структур и функций. Чалмерс предлагает следующее нередукционистское объяснение. По аналогии с физической наукой, в которой существует несколько базовых характеристик (масса, пространство, время), не объясняемых более простыми сущностями – и когда физикам не удалось объяснить электромагнитные волны механическими явлениями, они постулировали также электромагнитные явления как фундаментальную характеристику, Чалмерс полагает, что нередукционистская теория принимает сознание в качестве фундаментальной характеристики не только в известном ряду: масса, заряд, пространство-время, но и окружающего мира.

Известно, что, где фундаментальное свойство, там и фундаментальные законы. Нередукционистская теория сознания дополняет новыми принципами совместимость основных законов природы, тем самым, делая возможным объяснение сознания.

Конечно, признает Чалмерс, мы не получаем и в этом случае ответа на вопрос почему. Но это аналогично любой фундаментальной теории. Ничто в физике не говорит о том, почему материя первична, но мы не рассматриваем это как аргумент против теории вещества, которая может объяснить все типы материальных явлений, показывая, как они выводятся из базовых законов. То же может быть для создаваемого опыта, считает Чалмерс. Такая позиция определяется как разновидность дуализма. Но это безвредная версия дуализма всецело совместимая с научным мировоззрением. Такой подход не противоречит физической теории; нам просто необходимы дальнейшие соединительные принципы для объяснения того, как сознание возникает из физических процессов. В такой теории нет ничего мистического. Такую позицию Чалмерс называет «естественным (научным) дуализмом».

Если эта точка зрения верна, то теория сознания должна иметь больше общего с теорией в физике, нежели в биологии. Биологические теории не содержат подобных фундаментальных принципов, поэтому биологическая теория отличается определенной комплектностью и не вполне упорядочена. Физические теории, имея дело с фундаментальными принципами, стремятся к простоте и

элегантности. По мнению Чалмерса, теория сознания должна также отличаться простотой, элегантностью и красотой.

Нередуccionистская теория сознания включает психофизические принципы, связывающие свойства физических процессов со свойствами психического опыта. Чалмерс рассматривает в качестве таковых следующие:

Принцип структурной когерентности

Это принцип связи (согласованности) между структурой сознания (consciousness) и структурой процессов, находящихся в когнитивном основании субъективного опыта (awareness). Согласно Чалмерсу, содержание «awareness», это содержание прямо доступное (достижимое) и потенциально отчетное (reportable), т.е. осознаваемое в системе, использующей язык. Таким образом, awareness это чисто функциональное понятие, но, тем не менее, оно тесно связано с сознанием. В известных случаях, где мы находим сознание и «awareness» (там, где есть осознаваемый опыт), там и некоторая соответствующая информация в когнитивной системе, которая в распоряжении контроля за поведением и в доступе для отчета. Обратно, когда информация в наличии для отчета и полного контроля, там и соответствующий осознаваемый опыт. Таким образом, имеется прямое соответствие между consciousness и awareness. Это соответствие может быть распространено далее. Центральный факт переживаемого опыта это его сложная (комплексная) структура. Существуют также отношения сходства и различия между переживаниями (тем или иным опытом), и отношения в таких вещах, как относительная интенсивность. Каждый из предметов опыта (experience) может быть частично охарактеризовано и разложено на составные части в терминах этих структурных свойств: сходство и различие отношений, воспринимаемое положение, относительная интенсивность, геометрическая структура и т.д. Центральным фактом является также то, что для каждой из этих структурных характеристик существует соответствующая характеристика в информационно-процессуальной структуре «awareness» (a).

Чалмерс рассматривает цветоощущение в качестве примера. Для каждого различия между цветовым опытом есть соответствующее различие в процессе. Различные феноменальные цвета, которые мы ощущаем, формируют комплекс – трехмерное пространство, основанное на различиях по оттенку (цветовой тон), насыщенности и интенсивности. Свойства этого пространства могут быть получены также из информационно-процессуального рассмотрения: проверка визуальных систем показывает, что световые волны различаются и анализируются по трем различным осям, и это и есть трехмерная информация, которая релевантна последующему процессу.

Трехмерная структура феноменального цветового пространства, таким образом, прямо соответствует трехмерной структуре визуального *awareness*. Аналогично для других модальностей.

В общем, любая информация, которая сознательно воспринимается, является также когнитивно представленной.

Принцип структурной когерентности оказался весьма полезным в непрямом объяснении субъективного опыта в терминах физических процессов. Например, мы можем использовать факты о нервных процессах визуальной информации для косвенного объяснения структуры цветового пространства.

Этот принцип обеспечивает естественное объяснение многих работ по проблеме сознания.

Принцип организационной стабильности

Этот принцип означает, что любые две системы с одинаковой *функциональной* организацией будут иметь качественно идентичный опыт (*experience*).

Согласно этому принципу причины появления сознания (*experience*), не специфический физический продукт системы, а абстрактная модель причинного взаимодействия между компонентами системы. Чалмерс признает, что принцип весьма дискуссионный и использует мысленный эксперимент для доказательства этого принципа.

Двухаспектная теория информации

Два предыдущих принципа не носят базового (основополагающего) характера. Они включают понятия высокого уровня: «*awareness*» и «*organization*». Далее необходимы базовые принципы. Основной принцип, который Чалмерс предлагает как центральный, включает понятие информации, понимаемой в смысле Шеннона. Информационное пространство имеет базовую структуру из различных отношений между его элементами, характеризующими пути, по которым различные элементы в пространстве похожи или различны. Информационное пространство это абстрактный объект, но, следуя Шеннону, мы можем рассматривать информацию как физически встроенную, когда имеется пространство различных физических состояний, различие между которыми может передаваться некоторыми причинными путями (*causal pathway*). Состояние, которое передается можно рассматривать как самоконструирующее в информационном пространстве. Для пояснения Чалмерс заимствует фразу Bateson (1972) – физическая информация это различие, которое делает различие (*a difference that makes a difference*).

Двухаспектный принцип основан на наблюдении, что существует прямой изоморфизм между определенными физически-

встроенными информационными пространствами и определенными феноменальными информационными пространствами.

Далее Чалмерс предполагает, что информация имеет два основных аспекта – физический аспект и феноменальный аспект, что объясняет появление психического из физического. Психическое появляется благодаря своему статусу одного из аспектов информации, когда другой аспект обнаруживается встроенным в физический процесс.

Автор признает умозрительность (предположительность) предлагаемого принципа и множество нерешенных вопросов в связи с этим.

Работы Чалмерса вызвали многочисленные отклики как критического, так и поддерживающего характера. Так, известный исследователь проблемы D.Dennett выступил против идеи Чалмерса «сортировать» проблемы сознания на легкие и трудные, считая, что такой подход уводит внимание исследователей в сторону (D.Dennett, 1996). Против деления проблемы сознания на легкие и трудные выступил также E.J.Lowe, который считает, что это иллюзия думать, что есть легкая проблема, поддающаяся решению использованием вычислительной (когнитивизм) или нейронной парадигм (E.J.Lowe, 1995).

D.Hodgson доказывает, что некоторые легкие проблемы сознания не могут быть решены, пока не решены трудные (D.Hodgson). Используя систему логически связанных утверждений S.Horst доказывает, что если трудная проблема сознания не может быть решена физикалистски, то и эволюционно она не решается. (S.Horst).

W.Seager, соглашаясь с Чалмерсом в том, что не видит иного решения проблемы объяснения «как материальные процессы могут породить сознание», в то же время приходит к выводу, что предположение Чалмерса о сознании как фундаментальной характеристике мира вызывает у автора ассоциацию с некоторой формой пансихизма (W.Seager).

Анализируя трудную проблему (почему физические процессы приводят к осознаваемому феноменальному опыту) E.Mills приходит к выводу, что теоретическое построение Чалмерса не может помочь в ее решении (E.Mills).

V.Libbet также находит изъяны в теории Чалмерса и опираясь на собственные экспериментальные исследования мозговых процессов, объясняет сознание как эмерджентное свойство нейронной активности.

J.Shear считает, что «трудную проблему» необходимо исследовать также систематически как и явления материи, привлекая,

в частности данные соотнесения психического и физического развития в раннем детстве, а также систему представлений Восточной культуры и опыт изучения «чистого сознания».

F.J.Varela, подвергая сомнению основное положение Чалмерса, развивает авторский подход, инспирированный стилем феноменологических исследований, названный «нейрофеноменологией».

T.W.Clark критикует взгляд на сознание как на нечто, сопровождающее или продуцируемое состояниями нейронов, нечто выходящее за пределы функционирования когнитивных процессов, реализуемых в мозге. Такая точка зрения создает, по мнению автора, ситуацию «объяснительной дыры» между функцией и феноменологией, которая не может быть преодолена функциональной теорией психики. Автор рассматривает гипотезу об идентичности субъективного переживания определенной информации, порождаемой контрольно-поведенческой функцией. Эта гипотеза объясняет, как считает T.W.Clark, изоморфизм между структурой переживания и нейронной организацией, обеспечивая естественное объяснение сознания как относительных свойств информационных состояний, а не отдельная онтология феноменальных сущностей.

Объединяя множество исследований по проблеме сознания понятием «наука сознания» (The Science of Consciousness), M.Velmans обстоятельно обсуждает вопросы дефиниции и местонахождения сознания. Автор констатирует наличие множества определений и общеупотребительных терминов «consciousness», «awareness», «conscious awareness» (иногда «phenomenal awareness») как синонимов.

Как отмечает M.Velmans (1996), в некоторых произведениях «сознание» (consciousness) синонимично с «психикой» (mind), что, по мнению автора, слишком расширяет определение сознания, включая в него и бессознательные психические процессы.

В других произведениях сознание синонимично с самосознанием (self-consciousness). Такое определение, считает M.Velmans, слишком узкое, т.к. человек может сознавать также другие вещи (других людей, внешний мир и т.д.) помимо себя.

В споре Дуализм-Редукционизм M.Велманс занимает особую позицию, развивая собственную теорию «отраженного» (reflexive consciousness) сознания.

Анализируя позиции дуализма и редукционизма в решении вопроса о локализации сознания, M.Велманс приходит к выводу, что «классические дуалисты и редукционисты, страстно не соглашаясь по вопросу о том, где оно находится – где-то в мозгу» (M.Velmans, 1996),

вполне солидарны в решении вопроса определения и функций сознания.

М.Велманс считает вполне редукционистским тезис о том, что научные изыскания приведут к открытию нейронной основы сознания и объяснению явлений сознания в терминах нейронауки и, тем самым, будет показано, что сознание – это не более чем состояние мозга. Возражение М.Велманса состоит в том, что «причины онтологически не идентичны производимым эффектам», что иллюстрируется на примере явлений электричества и магнетизма (движение провода через магнитное поле вызывает электрический ток, текущий по проводу, но это не значит, что электроток онтологически идентичен движению провода; также неверно говорить, если обратить этот эксперимент, что ток, текущий в проводе онтологически идентичен окружаемому провод магнитному полю, возникающему в результате).

Как отмечает М.Велманс, почти все теории, рассматривающие отношения «сознание-мозг», полагают, что предшествующие нейронные причины, вызывающие данный сознаваемый опыт, могут быть в принципе найдены, притом, что пока существуют очень разные точки зрения на природу эффекта. Так, «интеракционистский дуализм» допускает два способа причинного взаимодействия сознания с мозгом; эпифеноменализм полагает, что состояния мозга вызывают осознаваемый опыт, но не наоборот; эмерджентный интеракционизм полагает, что сознание появляется из мозговой активности и затем превосходит ту активность, из которой она произошла.

Предполагаемая М.Велмансом отражательная модель (*reflexive model*), как считает автор, также стимулирует научные исследования нейронных и психологических причин сознаваемого опыта, но только с позиций, что ощущение, переживание и т.д. локализуется не в головном мозге, а в точке воздействия (палец или другой участок тела в случае укола булавкой) посредством механизма, названного М.Велмансом «перцептуальной проекцией» («*perceptual projection*»). Для иллюстрации механизма М.Велманс обращается к примерам фантомной конечности (рука, нога). Автор считает, что «перцептуальная проекция» - общий механизм работы сознания и в других модальностях (слух, зрение).

«Отражательная модель» позволяет определить, как сознание относится к мозгу и к физическому миру, не обращаясь к дуализму и не скатываясь в редукционизм.

Сознание (*experiences*) возникает из отраженного взаимодействия инициирующего стимула с перцептуальным процессом. Это взаимодействие результатится в сознаваемом феноменальном мире, который включает то, о чем мы обычно думаем как о «физическом мире». Это то, что мы обычно принимаем, как

физический мир, есть часть того, что мы сознательно испытываем; это не то, что в стороне от этого. Если так, то не может быть несоединимого «мостом» отдельного содержания сознания от воспринимаемого (experienced) физического феномена.

Подводя весьма предварительный итог этому весьма неполному обзору философско-психологических работ по проблеме сознания в США и Европе, отметим наиболее заметные различия в разработке проблемы.

Если в Российской психологии исследовательское внимание концентрируется, главным образом, на вопросах определения и структуры сознания, то в зарубежной науке на, так называемой «трудной проблеме сознания», т.е. на вопросах: «Почему появляется сознание и как оно связано с физическим миром?» (В.Баарс, Д.Чалмерс, Д.Деннетт, Дж.Сярл, Дж.Шер, Ф.Варела, М.Велманс и др), достаточно проработанных в Российской психологии с философских позиций диалектического и исторического материализма. Вместе с тем, следует отметить, что словосочетание «Российская психология» концептуально неоднородно в пространственно-временном отношении. Дореволюционный, советский и постсоветский периоды, существенно отличаясь по территориально-политическому и социально-экономическому устройству государства, конечно, сказались на тенденциях развития психологической науки в России, особенно значительно, в связи с идеологическим диктатом, в советский период, который характеризуется, тем не менее, и значительными достижениями в теоретической психологии. И хотя, в ретроспективном плане важно учитывать каким было, по выражению В.П.Зинченко, «сознание психологов» советской эпохи («кто за совесть, а кто за страх» исповедовал марксистскую философию. См. В.П.Зинченко «Мысль и слово Густава Шпета», М., 2000,. С. 128), в проспективной оценке можно констатировать, что общими усилиями была выстроена достаточно стройная система научных психологических знаний, которой органично предшествовали многие работы дореволюционного периода, а перестроечное брожение мало, что изменило за исключением устраненного изобилия ссылок и цитат из классиков марксизма-ленинизма.

Можно сожалеть, критически относиться или даже отвергать философскую диалектико-материалистическую основу отечественной психологии, но невозможно не признать как исторический факт, что именно эта методология определила лицо Российской психологии. Поэтому изменения, совершенствование, развитие – вполне возможны и корректны, но категорический отказ равносителен потере лица. Кроме того, нельзя не отметить и плюсы, связанные с избранной методологией. Это, в частности, снятие проблемы Декартовского

дуализма или различного рода редукционизма в объяснении сознания. Что касается полного решения проблемы взаимосвязи телесного и психического (body-mind), или более широко, материального и идеального (психического, сознательного), т.е. ответа на вопросы, почему и как сознание возникает и взаимодействует с мозговыми, нейрофизиологическими процессами, то развитие унитарного и междисциплинарного подходов будет способствовать встречному движению в решении проблемы. (Акопов, 2002).

Литература

1. Акопов Г.В. Проблема сознания в психологии. Отечественная платформа. Самара, 2002.
2. Зинченко В.П. Мысль и слово Густава Шпета. М., 2000.
3. Chalmers, D.J. (1995), 'Facing up to the problem of consciousness', JCS, 2 (3), pp. 200-19.
4. Clark, T.W. (1995), Function and Phenomenology: closing the explanatory gap. JCS, 2(3), pp.241-55.
5. Dennett, D.C. (1995), Darwin's Dangerous Idea (New York: Simon and Schuster).
6. Hodgson, D. (1996), The easy problems ain't so easy. JCS, 3(1), pp. 69-75.
7. Libbet, B. (1996), Solutions to the problem of consciousness. JCS, 3(1), pp. 33-35.
8. Lowe, E.J. (1995), There are no easy problems of consciousness. JCS, 2(3), pp. 266-71.
9. Mills, E. (1996), Giving up on the hard problem of consciousness. JCS, 3(1), pp. 26-32.
10. Seager, W. (1995), Consciousness, information and panpsychism. JCS, 2(3), pp. 272-88.
11. Shear, J. (1996), 'The hard problem: Closing the empirical gap', JCS, 3 (1), pp.54-68.
12. Varela, F.J. (1996), Neurophenomenology: A Methodological Remedy for the Hard Problem. JCS, 3(4), pp. 330-49.
13. Velmans, M. (1990), 'Consciousness brain, and the physical world', Philosophical Psychology 3(1): 77-99.
14. Velmans, M. (1993), 'A reflexive science of consciousness, in Experimental and theoretical studies of consciousness', Ciba Foundation Symposium №176, Wiley, Chichester.
15. Velmans, M. (2000), Understanding consciousness. London: Routledge, pp.308.
16. Zeman, A. The paradox of consciousness. Lancet, 01.06/2001, Vol. 357 Issue 9249, p.77.